

А. Кречмер

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОСТАНДАРТНОЯЗЫКОВОЙ (СЛАВЯНСКОЙ) ПИСЬМЕННОСТИ

Занимаясь т. н. внешней историей языка, историей письменных его форм, исследователь сталкивается с существенными проблемами, поскольку для такого рода исследований практически не разработан теоретико-методологический аппарат. Постоянно сталкиваясь с этой проблемой в ходе собственных исследований, мы пытались как-то ее решить. Результаты этих многолетних попыток и размышлений и будут представлены здесь. Много лет назад такие поиски привели нас к разработкам в области теоретической лингвистики – от классического структурализма до генеративистики [Kretschmer 1991a + b]. Поиски там, по понятным причинам, особым успехом не увенчались, но еще более убедительно показали необходимость адекватной как теоретической, так и методологической базы для исследований по истории письменности. В последние же годы определенные заимствования были сделаны – и делаются – из области когнитивистики, а также прагма- и социолингвистики.

Использование методов внутренней истории языка, созданных во многом еще младограмматиками, но, тем не менее, остающихся адекватными и сегодня, для истории письменности по понятным причинам невозможно. Прежде всего, потому, что объект внешней истории языка – письменность, а конкретная единица – ее текст. А текст представляет собой величину не только лингвистическую, но и социальную, культурологическую и т. д. Так называемая внутренняя и внешняя история языка представляет собой, таким образом, дихотомическое единство, рассматривая один и тот же объект, язык в разных аспектах, что подразумевает и различные теоретико-методологические аппараты. Ситуация усугубляется и достаточно ощутимой в разные исторические эпо-

хи идеологизацией именно внешней истории языка. Но главная проблема, однако, заключается, видимо, в том, что сама проблематика отсутствия адекватного теоретического и методологического аппарата в исторической славистике во многом остается неосознанной. В результате, исследования нередко имеют более или менее выраженный эклектический характер.

Основные ошибки при исследовании письменной истории языка можно задать в виде следующего списка:

– априорная селекция по самым различным параметрам: временным, жанровым, или, например, как это часто бывает, ограничение анализа априорно заданным списком языковых признаков. Однако любая селекция ведет к редукции объекта анализа и, тем самым, к неадекватным результатам;

– ограничение исследования рамками одного этноса, одной культурной традиции, т. е. отсутствие сравнения, без которого нельзя получить действительно адекватную картину изучаемого объекта;

– механистическая проекция современного восприятия языка, языковой ситуации на прошлое. При этом нередко имеет место переоценка *национального* в исторической перспективе – в ситуации, когда реконструкция мировосприятия и мировоззрения прошлого практически не только отсутствует, но даже и необходимость такой реконструкции еще не осознана исследователями. А ведь идентификация и самоидентификация человека в донациональный период происходила прежде всего по признакам региональной и конфессиональной принадлежности, в то время как формирование наций и национального самосознания начинается очень поздно.

Список можно было бы продолжить, но более важным представляется анализ мотивации дефицитов и ошибок. Сюда можно отнести следующее:

- Отсутствие сравнения в диахронической славистике на уровне общего правила.
- Идеологизация истории именно письменных форм языка.

- Проблема *свое / чужое* в языковом сознании (синхронно и диахронно).

- Отсутствие консенсуса в обозначении исследуемого объекта, а также диффузность таких обозначений, как *литературный язык*, *стандартный язык*, *письменный язык*; ср. и такие обозначения, как *разговорно-деловой* – но при этом литературный! – *язык*, или же *книжный язык* (стиль языка). Сюда же можно отнести и обозначения *древне-/старорусский* (*-украинский*, *-белорусский*), не базирующиеся на данных текстового корпуса.

Все названные факторы взаимосвязаны и объясняются, возможно, спецификой научной парадигмы самой славянской филологии, возникшей в эпоху Романтизма с его глорификацией народности, в эпоху эмансипации славянства. Для молодых же наций свойственна повышенная чувствительность относительно возраста и автохтонности своих культур, результатом чего являются попытки уводить истоки «своей» письменности, «своей» культуры как можно далее в глубь веков.

Предлагаемые нами решения не претендуют на роль панацеи, хоть и показали себя достаточно эффективными в ходе конкретного исследования – на разных текстовых корпусах, разных времен и различных регионов Православной Славии.

Объектом исследования письменной истории языка, а тем самым и его исходной точкой всегда является конкретный текст в совокупности всех своих характеристик, как собственно языковых, системных, так и текстологических (т. е., жанровая принадлежность, текстура, интенциональность, интертекстуальность), а также внеязыковых, преимущественно социолингвистических и культурологических. Сюда нужно отнести, прежде всего, временной фактор в целом, включая и глобальный социокультурный контекст, далее, инстанцию автора со всеми ее характеристиками, а также рецептивный аспект – восприятие текста в прошлом и настоящем.

Основным методом анализа является моделирование объекта, в свою очередь базирующееся на сплошной дескрипции. При этом

систематически описываются, на первом этапе, собственно языковые признаки (поуровнево). В соответствии с конкретными задачами конкретного анализа здесь допустима определенная доминанта, например, синтаксис. Априорная селекция, однако, всегда должна оставаться минимальной и обусловленной. Затем исследуются и другие, экстралингвистические, релевантные параметры, указанные выше.

Исследователь в течение всего анализа путем самоконтроля должен стараться избежать переноса современного восприятия языка, письменности, языковой ситуации, современной шкалы ценностей на прошлое. Как задачу-максимум здесь можно постулировать реконструкцию языковой ситуации, но еще более важна, пожалуй, реконструкция языкового сознания исследуемых эпох.

Наш метод базируется на т. н. герменевтическом круге познания [Stegmüller 1975]. При этом формулируется ограниченное количество предпосылок, которые затем проверяются на корпусе. На основании этого формулируются заключения, которые опять проверяются на корпусе. Исследование, таким образом, происходит по спирали, все более приближаясь к своему объекту. Интроспекция, т. е. включение исследователя как инстанции, при этом допустима – при соблюдении требования постоянного самоконтроля. Анализ, таким образом, остается (пока) на нижнем из возможных трех уровней моделирования объекта исследования – дескриптивном. Насколько возможно достичь более высоких уровней моделирования – экспланативного и прогностического – судить пока трудно.

Всякое исследование письменных манифестаций языка не может не быть сфокусировано на текстовом корпусе. В связи с этим необходимо, однако, указать на широко распространенную селекцию корпуса в таких исследованиях. Селекция эта может быть разного рода, например, *селекция в жанровом отношении*. Так, в советское время предпочтение в исследовании долгое время отдавалось не-сакральным, светским, текстам, поскольку уровень церковнославянских элементов в них был, естественно, минимален. За этим стояло восходящее еще к работам С. П. Об-

норского [Обнорский 1946] идеологически заданное в советской науке замалчивание и даже отрицание роли церковнославянской составляющей в истории восточнославянской письменности. Тексты эти, даже когда речь шла о заведомо не-беллетристических, утилитарных типах, в исторической русистике автоматически причислялись к литературному языку – при отсутствии сколько бы то ни было адекватного определения последнего вплоть до наших дней.

Это может быть *селекция по временному признаку* – определенные эпохи в истории письменности (как правило, наиболее интересные, но и наиболее трудные) исследованы весьма слабо. Для истории восточнославянских и сербских письменных традиций это, прежде всего, XVII и ранний XVIII вв.

Селекция сохранившегося текстового корпуса, однако же, неприемлема и методологически недопустима, поскольку представляет собой редукцию объекта исследования и искажает его, а соответственно и результаты такого исследования.

Логически вытекающее из этого требование сплошного анализа всего сохранившегося текстового корпуса справедливо может вызвать возражения и обвинения в мегаломании. Однако такой комплексный анализ, конечно же, проводится частями. Корпус при этом делится на сегменты по различным параметрам – временному, жанровому, региональному, авторскому и т. д. Одновременно такое структурирование корпуса поможет избежать эклектичности анализа: исследования текстов одной временной принадлежности, одного жанра, одной региональной редакции, одного автора значительно лучше позволят выявить дистинктивные признаки, аналогии и различия, значимые и второстепенные характеристики.

Полученные в результате таких частных, сегментальных исследований «срезы» – временные, жанровые, региональные, по автору и т. д., – путем наложения друг на друга помогут получить пластическую картину как истории письменности отдельных эпох и регионов, так и динамики ее развития или отсутствия таковой.

В связи с этим следует указать и на объективное препятствие на пути комплексного изучения сохранившегося текстового корпуса – слабость библиографической базы, в свою очередь, вызванная тем, что далеко не все, даже центральные архивы располагают современной системой описи и учета хранящегося в них текстового материала. В еще большей степени это относится к архивам местным.

Практикуемое в исторической славистике отсутствие сравнения – один из основных методологических ее дефицитов. Компаративные концепции в ней встречаются весьма редко. Одна из них – концепция Православной Славии как единой культурно-письменной модели всех православных славян и румын – от момента принятия христианства византийского типа и вплоть до Нового времени, наступавшего в разных регионах этого ареала в разное время. Ей противопоставляется Славия Латинская, или же Романская, прежде всего, по признаку отсутствия у нее такой однородности письменной культуры [Picchio 1962, Пиккио 2003; Толстой 1961, 1988, 1997]. Столь значимые различия культурных парадигм требуют и определенного различия в подходах к их исследованию, т. е. различия именно методологического. Эта внутренняя дифференциация Славии и ее письменной истории в исследованиях, однако, практически не учитывается, как и субдифференциация внутри этих ареалов, особенно выраженная в Славии Латинской.

Предварительный список значимых для исследований письменности Православной Славии параметров можно задать в следующей форме:

- иерархическая структура жанрового канона Православной Славии (в свое время Н. И. Толстым была постулирована 14-уровневая модель [см. Толстой 1988]);
- соблюдение / нарушение диглоссии [Успенский 1983, Ferguson 1959];
- список признаков позднего, т. н. гибридного церковнославянского [Живов 1995, Ремнева 1988, 1995];

– дифференцированное изучение языковых и текстологических характеристик т. н. деловой письменности – по жанровому, временному, региональному параметрам;

– изучение языковой полемики / суждений о письменном языке – по эпохам, регионам, авторам. Это поможет и в воссоздании языковой ситуации, сознания;

– наличие т. н. ускоренного развития [Гачев 1964], при котором в переходный период к европейской культуре Нового времени сосуществуют различные стили (классицизм, сентиментализм, романтизм).

Соответствующие параметры, факторы для изучения истории письменности Латинской Славии еще следует разработать. Конечной целью исследования, безусловно, должен стать сравнительный анализ истории письменной культуры всей Славии.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVI вв. // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 34–46.

Алексеев, А. А. Внутренняя хронология русского литературного языка // Топоров, В. Н. (ред.). *Philologia Slavica* (к 70-летию акад. Н. И. Толстого). М., 1993. С. 238–244.

Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938.

Виноградов, В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958.

Гачев, Г. Ускоренное развитие литературы. М., 1964.

Живов, В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988. С. 49–98.

Зализняк, А. А. Берестяные грамоты перед лицом традиционных постулатов // *Russian Linguistics* 15. 1991. С. 217–245.

Кречмер, А. Актуальные вопросы истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 96–123.

- Кречмер, А.* Сравнительная история славянских литературных языков: вопросы методологии // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1998. № 3. С. 48–59.
- Ларин, Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка. М., 1975.
- Лихачев, Д. С.* Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 47–70.
- Лихачев, Д. С.* Древнеславянские литературы как система // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 5–48.
- Лотман, Ю. М.* Несколько мыслей о типологии культур // Успенский, Б. А. (ред.). Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 3–11.
- Методологија разрађивања лингвистичких текстовних модела за пред- стандардно-језичко доба // Научни састанак слависта у Вукове дане 20/2. Београд, 1991б. С. 65–71.
- Обнорский, С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.–Л., 1946.
- Пиккио, Р.* Древнерусская литература. М., 2002.
- Пиккио, Р.* Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003.
- Ремнева, М. Л.* Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы. М., 1988.
- Ремнева, М. Л.* История русского литературного языка. М., 1995.
- Соболевский, А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980.
- Толстой, Н. И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 52–66.
- Толстой, Н. И.* Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку // Толстой, Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 164–173.
- Толстой, Н. И.* Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 16–23.
- Унбегаун, Б. О.* Происхождение русского литературного языка // Новый журнал 100. 1970. С. 306–319.
- Унбегаун, Б. О.* Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Алексеев, А. А. (ред.). Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 329–333.

- Успенский, Б. А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка // IX Международный съезд славистов. Доклады. М., 1983.
- Успенский, Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. М., 1985.
- Хюттль-Фольтер, Г. (Hüttl-Folter, G.)*. Диглоссия в Древней Руси // Wiener Slawistisches Jahrbuch 24. 1978. С. 108–123.
- Хюттль-Фольтер, Г. (Hüttl-Folter, G.)*. Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // Wiener Slawistisches Jahrbuch 33. 1987. С. 7–21.
- Arbeitstreffens Bochum/Löllinghausen 19.–21.9.1990. Slavistische Beiträge 274. München, 1991a. С. 164–174.
- Ferguson, Ch.* On Diglossia // Word 15. 1959. С. 325–359.
- Isatschenko, A. V.* Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 298. Bd., 5. Abhandlung. Wien, 1975.
- Kretschmer, A.* Eine sprach- und kulturhistorische Studie zur Endphase der Orthodoxen Slavia // Kempgen, S. et al. (eds.), Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008. Die Welt der Slaven. Sammelbde. Bd. 32. 2008. С. 205–216.
- Kretschmer, A.* Möglichkeiten und Probleme computerunterstützter Analyse älterer slavischer Texte // Jachnow, H., Hartenstein, K. (Hg.), Slavistische Linguistik 1990. Referate des XVI. Konstanzer Slavistischen
- Kretschmer, A.* Und noch einmal zur Diglossie // Wiener Slawistischer Almanach 33. 1994. С. 181–195.
- Kretschmer, A.* Zur Entstehungsgeschichte slavischer Standardsprachen (einige methodische Überlegungen) // Welt der Slaven XXXVIII/2. 1993. С. 254–264.
- Kretschmer, A.* Zur Methodik der Untersuchung älterer slavischer schriftsprachlicher Texte (am Beispiel des slavenoserbischen Schrifttums) // Slavistische Beiträge 241. München, 1989.
- Picchio, R.* Die historisch-philologische Bedeutung der kirchenslavischen Tradition // Welt der Slaven VII. 1962. С. 1–27.
- Picchio, R.* Litteratura della Slavia ortodossa (IX–XVIII sec.). Bari, 1991.

- Seemann, K.-D.* Die „Diglossie“ und die Systeme der sprachlichen Kommunikation im alten Rußland // Slavistische Forschungen 40. Slavistische Studien zum IX Internationalen Slavistenkongreß in Kiev. Köln – Wien, 1983. C. 553–561.
- Seemann, K.-D.* Loquendum est russice & scribendum est slavonice // *Russia Medievalis* V. 1982. C. 103–136.
- Stegmüller, W.* Der sogenannte Zirkel des Verstehens, Darmstadt, 1975. C. 63–88.
- Vassilev, Ch.* Der Ausdruck „einfache Sprache“ bei Avvakum und bei den orthodoxen Südslaven. Das Ende des Kirchenslavischen als Literatursprache // *Welt der Slaven* XVII. 1972. C. 295–302.